

Сяо Ду явился на следующий день.

Шэнь Уцзю сидела на корточках у входа в полуразрушенный храм и грызла холодную лепешку, когда, подняв голову, увидела, как из-за поворота переулка вывернул черный конь. Восседавший на нем мужчина был окутан слоем энергии Инь. Дикая трава у порога храма вяла от одного его приближения.

Ты здесь живешь?

Он спешил и окинул храм беглым взглядом: продуваемые всеми ветрами стены, алтарный столик со сколотым углом, солома на полу. Его брови сошлись на переносице так, что, казалось, можно прихлопнуть муху.

Генерал, по какому вы делу?

То, о чем ты говорила вчера — унять то, что во мне.

Временно. Я уйду, и всё вернется.

Поэтому не уходи.

Генерал, то, что сидит в вас, карабкается на меня...

Вижу.

Его взгляд упал на ее левую руку. Рукав был опущен, но он не мог скрыть цвет кожи на кончиках пальцев.

Тогда вы должны понимать, что с каждым моим приближением энергии Инь становится всё больше. Я не лечу вас, я расплачиваюсь за это собственной жизнью...

Сколько?

Опять этот вопрос. Большинство людей, услышав тварь в тебе вредит мне, первым делом сказали бы: Держись от меня подальше. Его же первой реакцией было: Какую цену ты заплатила?

Полднеса часа рядом — синева расползается наружу на полцуня. Вчера за несколько минут — уже на целый цунь.

Сяо Ду на мгновение замолчал:

Место, где ты живешь, слишком дрянное. Перебирайся в Резиденцию генерала.

Не пойду.

В полуразрушенном храме сквозит с западной стороны, энергия Инь поднимается из земли. Синева на твоём теле... Жить в таком месте — это за день потерять столько же, сколько в другом за три.

Он не угадывал. Проведя десять лет на Северной границе, где у него самого энергии Инь было хоть отбавляй, он лучше кого бы то ни было знал, какая обстановка комфортна, а какая невыносима. И перенес этот опыт на нее.

В Резиденции генерала энергии Инь еще больше...

Будешь жить во флигеле. В том, что дальше всего от моих личных покоев. Днем можешь делать что хочешь, по вечерам — приходить и сидеть по полчаса.

Полчаса в обмен на полцуня синевы. С такой скоростью ее левая рука продержится от силы дней тридцать-сорок. Когда энергия Инь проникнет в сердце, вопрос встанет уже не о синеве, а о самой жизни.

Но ей была необходима его Добродетель Инь. Печать в подземелье поместья, души, запертые в подвале, правда о проходе... Если бы она вздумала расследовать всё сама, это заняло бы целую вечность, тогда как благодаря чужой Добродетели Инь всё можно было бы разрушить в одно мгновение.

У нее оставалось еще дней тридцать-сорок. Этого хватит.

Ладно. Но у меня есть условия. Первое: я занимаюсь только изгнанием нечисти. Второе: когда ты передаешь мне свою Добродетель Инь, ты не должен ее отзывать. Третье: не лезь в мои дела.

Четвертое: тебе запрещено бежать.

Я и не собиралась бежать. Я подсчитывала цену.

Подсчитала?

Подсчитала. Сделка выгодная.

Он протянул руку и вздернул ее в седло. Шэнь Уцзю, устроившись позади него, вцепилась в

пластины доспехов на его поясе. Энергия Инь хлынула из-за спины — холодная, но безмолвная. На ее левой рукаве проступил еще один синеватый кружок.

Он почувствовал, как она слегка вздрогнула, прижавшись к его спине.

Холодно?

Не холодно.

Флигель в Резиденции генерала. Три комнаты, небольшой дворик и дерево унаби. В мириады раз лучше полуразрушенного храма.

Постельное белье в восточной комнате было новым, но застелено криво-косо, а подушка и вовсе лежала вверх тормашками. Это сделали не служанки, а солдаты. Этот бог войны заставил группу грубых вояк застилать ей постель.

Ближе к вечеру солдаты принесли поднос с двумя блюдминистрами и пиалу риса.

Генерал велел передать. Говорит, чтобы вы не голодали.

Он и за чужой едой следит?

Нет. Генерал и сам вечно забывает поесть. Три года с ним служу — впервые вижу, чтобы он велел кому-то носить еду.

Шэнь Уцзю с пиалой в руках уселась под деревом унаби. Тушеное мясо оказалось на удивление вкусным. В воспоминаниях прежней хозяйки тела ей никогда и никто не носил еду. В Поместье маркиза Юннин она питалась объедками, а иногда не доставалось и их.

Она молча опустила голову и принялась за рис. Доев порцию, она пошла за добавкой.

Наступила ночь. Едва минул час Хай, Сяо Ду замер у входа во флигель. Брови его были сдвинуты, а на дне глаз залегла серая пелена.

Садись.

Шэнь Уцзю кивком указала на табурет. Он сел, и следом хлынула энергия Инь, отчего температура вокруг резко упала.

Каждый раз, когда ты приближаешься ко мне, ты платишь цену.

Угу.

Почему ты не убегаешь?

Потому что ты спросил меня по имени. Ты спросил сколько. Ты не стал допытываться, что я могу тебе дать, ты спросил, чем я заплатила. За триста лет никому не было дела до того, чем ты платишь, всех волновало лишь то, что ты можешь дать. Ты — другой.

На лице Сяо Ду отразилось сложное чувство — нечто среднее между неловкостью человека, которого насквозь увидели, и легкой растерянностью.

Хватит об этом. Зачем тебе вообще моя Добродетель Инь?

Вести расследование. Под поместьем находится вход в Проход Инь-Ян, он запечатан, и чтобы разрушить печать, нужна духовная сила уровня судьи. Твоей Добродетели Инь хватит.

В поместье? В Поместье маркиза Юннин? В прошлом году Шэнь Чуньюань хотел выдать за меня свою дочь, но я отказался.

Его дочь — моя двоюродная сестра. Тетка продала меня, продала в Резиденцию государственного наставника в качестве жертвы, а когда меня использовали, забили до смерти и выбросили на Холм заброшенных могил. Я заняла это тело, чтобы вернуться к жизни и взыскать долги с тех, кто должен.

В комнате долго стояла тишина.

Завтра я пойду с тобой.

Твоя цель слишком заметна...

Я буду стоять на страже снаружи, пока ты разрушаешь печать, и прикрою, если кто-то появится.

Шэнь Уцзю посмотрела на него. В лунном свете его энергия Инь клубилась, подобно черной горе, но взгляд, устремленный на нее, оставался твердым.

Ладно. Завтра вечером.

Он повернулся, дошел до двери и на мгновение замер.

Синева на твоей руке... Ее можно убрать?

Нет. Энергия Инь, проникая в тело, движется только в одну сторону — раз попав внутрь, выйти она уже не сможет.

Он не обернулся:

Я понял.

Шэнь Уцзю какое-то время сидела в комнате, погружившись в задумчивость. Его вопрос можно ли убрать касался не его собственных проблем. Он спрашивал о ней.

Каждый его вопрос оставлял ее без ответа.

За окном ветер шелестел листвой унаби. Она коснулась левой руки: синева была холодной, словно слой инея, легший прямо на кости. Она ничего не чувствовала, но знала, что эта метка там.

Она будет расползаться. Проникнет в сердце. И тогда вопрос встанет уже не о синеве.

Но у нее еще было время. Ей хватит.

<http://bllate.org/book/21207/2146499>